

пезу. Съ субботою окончилась Свѣтлая радостная седмица; колокольный звонъ и крестный ходъ по приходу прекратились, всѣ пѣвчіе разошлись по своимъ домамъ и принялись за

обычныя свои занятія, славя Бога за великую милость, дарованную имъ отъ воскресшаго Спасителя міра, во дни свѣтлаго Его воскресенія.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

(Продолженіе 1).

IV.

Около 1892 г. Михаилъ Ивановичъ открылъ мнѣ, какъ своему искреннему другу, свое тайное желаніе — принять санъ священникъ, чтобы удалиться куда нибудь въ село и тамъ посвятить себя пастырскому служенію.

— А чѣмъ будешь жить? — спросилъ я его.

— Я буду получать пенсію за свою службу, (онъ былъ преподавателемъ всеобщей и церковной исторіи въ разныхъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, между прочимъ въ 6-й гимназіи, въ Николаевскомъ Институтѣ и др.).

— А сколько ты теперь получаешь?

— Съ частными уроками зарабатываю до 5000 руб.

— А пенсія велика ли?

— „Если дослужу до срока, то полная въ 1000 рублей. Этого для меня будетъ довольно, чтобы прожить съ семьей. Братья теперь всѣ кончили ученье и стали на ноги (всѣ они во время ученья и жили у Михаила Ивановича, который замѣнялъ имъ бѣднаго отца), сестеръ устроилъ, сынъ идетъ хорошо въ гимназіи, только останется дочка пристроить. Сказавъ это, онъ вдругъ прибавилъ: „только

молчи, братъ, до времени. Будемъ ждать воли Божіей“.

Около этого времени я просилъ его написать мнѣ оригиналь иконы Спасителя: онъ былъ отличный рисовальщикъ, и съ особенною любовью рисовалъ ликъ Христа Спасителя. Обладая довольно большимъ собраніемъ гравюръ и фотографій, изображавшихъ Божественный Ликъ, онъ часами, бывало, всматривался въ нихъ, какъ бы провѣряя, насколько то или другое изображение соответствуетъ образу Христа, который онъ носилъ въ своемъ сердцѣ, копировалъ ихъ, комбинировалъ нѣсколько изображеній въ одно, стремясь выработать извѣстный типъ, наконецъ дѣлалъ попытки и къ самостоятельному творчеству. Можно сказать, что онъ постоянно писалъ Ликъ Господа, какъ бы стараясь передать полотну то, что было въ его душѣ: кончалъ одно изображеніе и начиналъ тотчасъ же другое. Въ этомъ онъ такъ набилъ руку, что очень хорошо рисовалъ миниатюрное изображеніе Господня лика въ теченіе пяти минутъ. Съ благоговѣніемъ онъ взялъ на себя порученное мною дѣло и просилъ только помочь ему въ этомъ молитвою. Цѣлый годъ онъ писалъ эту икону; много разъ показывалъ знатокамъ жи-

1) См. № 3.

вописи свою работу, много разъ переписывалъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ стараясь перенести на икону то, что глубоко отпечатлѣно было на его душѣ... Наконецъ икона была готова. Не легко было выполнить ее въ гравюрѣ на камнѣ красками. Михаилъ Ивановичъ много разъ самъ ѣздилъ въ литографію, самъ руководилъ граверомъ, исправлялъ корректуру, пока наконецъ не добился довольно удовлетворительнаго сходства копій съ оригиналомъ. Когда икона вышла въ свѣтъ, преосвященный Николай Японскій сразу затребовалъ ее въ количествѣ 3000 экз. для своей Японской Церкви. Это былъ праздникъ для души добраго Михаила Ивановича. Онъ сознавался потомъ, что когда писалъ икону, то иногда доходилъ до такого напряженія мысли и чувства, что во снѣ видѣлъ себя пишущимъ, и просыпаясь, спѣшилъ къ иконѣ, чтобы отмѣтить то, что удалось ему во снѣ болѣе, чѣмъ на яву.

Въ 1894 году Михаилъ Ивановичъ прибылъ ко мнѣ въ лавру, чтобы поговѣть. Это было въ началѣ Успенскаго поста, въ первыхъ числахъ августа. За день до праздника Преображенія Господня я предложилъ ему побывать въ скиту и принять благословеніе отъ святителя Сергія, который въ то время имѣлъ тамъ пребываніе.

— Какъ я поѣду? зачѣмъ?—спросилъ онъ смущенно. Я ему вовсе не знакомъ...

Я обѣщалъ его представить митрополиту какъ своего друга дѣтства, сотрудника по изданіямъ и человѣка, готоваго послужить Церкви чѣмъ можетъ. Мы отправились. Святитель принялъ насъ съ любовью и бесѣдовалъ около двухъ часовъ, подробно-выспрашивая Михаила Ивановича о его

прошломъ. Когда я сказалъ, что Михаилъ Ивановичъ питаетъ надежду современемъ принять санъ священникъ, чтобы вернуться въ то званіе, изъ коего вышелъ не своею волею, святитель сказалъ: „вотъ Промыслъ Божій и возвращаетъ васъ теперь на тотъ путь, съ коего не своею волею сошли; а если бы по своеволю туда уклонились, какъ теперь часто бываетъ съ духовными юношами, то пожалуй Господь и не сталъ бы привлекать назадъ“...

Въ заключеніе нашей бесѣды владыка милостиво пригласилъ Михаила Ивановича бывать у него въ Москвѣ, когда угодно, а теперь, сказалъ онъ, прошу попрацевозвать въ Виѣни, въ наступающій праздникъ Преображенія Христова“

Михаилъ Ивановичъ былъ такъ очарованъ обращеніемъ съ нимъ святителя, что потомъ долгое время находился подъ впечатлѣніемъ его бесѣды, удивляясь его уму, такту, мудрости и власти его слова. Еще болѣе это впечатлѣніе усилилось послѣ обѣда въ Виѣни. Все сужденія святителя, все, что онъ говорилъ, было необычно для Михаила Ивановича: онъ какъ бы видѣлъ предъ собою человѣка не отъ міра сего, предъ нимъ какъ бы воочію стоялъ одинъ изъ тѣхъ древнихъ мудрыхъ святителей, коихъ онъ самъ изображалъ въ своихъ писаніяхъ... Вотъ что писалъ онъ мнѣ на другой день по возвращеніи изъ лавры:

„Спѣшу поскорѣе отъ полноты сердца возблагодарить тебя за свѣтлыя и радостныя впечатлѣнія, которыя увезъ я изъ обители. Нахожусь подъ ихъ обаяніемъ и чувствую себя освѣженнымъ нравственно... Не подумай и единаго слова принять за фразу. Грѣхъ тебѣ будетъ! Не могу доста-

точно виразить тебѣ всей моей благодарности за то, что ты далъ мнѣ счастье лицезрѣть архипастыря. Я всегда считаю своимъ священнымъ долгомъ чтить архипастыря Московскаго, потому что чрезъ послушаніе ему посредствуется и мое общеніе съ Церковью. Но я считаю себя особенно счастливымъ, что мнѣ довелось видѣть архипастыря и бесѣдовать съ нимъ. Какъ въ душѣ моей я благодаренъ ему, что на духовной высотѣ своей онъ понималъ мое сокровенное желаніе видѣть его! Съ какимъ восхищеніемъ, хотя и не безъ нѣкотораго чувства робости, я смотрѣлъ на величавый образъ святителя, въ которомъ глубокая духовная мудрость является въ сіяніи такой благодати, такой привѣтливости! Меня до слезъ тронуло его поздравленіе съ принятіемъ св. Таинъ и его архипастырское благословеніе. За столомъ я старался не проронить ни одного слова святителя—и признаюсь тебѣ, все, что я слышалъ, усугубляло мое глубокое уваженіе, которое я почувствовалъ къ его особѣ при первомъ свиданіи. Ты, вѣроятно, знаешь, что одно время я интересовался катакомбами и соединеннымъ съ этимъ—вопросомъ о погребеніи у древнихъ христіанъ, и даже напечаталъ въ 70-хъ годахъ статью въ „Странникѣ“ по поводу многогоманого, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, неудовлетворительнаго сочиненія фонъ-Фрикена. Но я положительно пришелъ въ восторгъ, когда предо мною этотъ вопросъ—о покоѣ почившихъ въ Бозѣ—въ такихъ краткихъ, но полносильныхъ чертахъ раскрытъ былъ владыкою, можно сказать, художественно. Не говорю уже о другомъ, о чемъ шла наша бесѣда. Владыка оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе... Дай Богъ подольше по-

жить ему среди насъ: отранно чувствовать, что среди шатаній нашего времени стоить у кормила такой кормчій. Еще разъ крѣпко цѣлую тебя и благодарю за все!! Праздникъ Преображенія Господня былъ истиннымъ праздникомъ для души моей... Кстати: ложась вчера спать, я взялъ псалтирь. А я люблю читать, гдѣ раскроется. Раскрываю и читаю: „одного просилъ я у Господа, того только ищущу, чтобы пребывать мнѣ въ домѣ Господнемъ во всѣ дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посѣщать святыи храмъ Его, ибо Онъ укрылъ бы меня въ скинии Своей въ день бѣдствія“... Прочиталъ эти слова, закрылъ книгу и погрузился въ размышленія... Но на все Его святая воля—и ей прежде всего слѣдуетъ научиться покоряться. Ей же и ничто и противиться не можетъ“.

И воля Божія свершилась: не прошло года, какъ Михаилъ Ивановичъ сталъ іереємъ... День Преображенія былъ для него какъ бы рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ, послѣ чего онъ уже не сталъ скрывать отъ близкихъ ему людей своего желанія быть іереємъ. Вскорѣ онъ посѣтилъ митрополита Сергія въ Москвѣ, а затѣмъ святитель уже сталъ его самъ приглашать и дѣлать ему разныя порученія научнаго характера. Михаилъ Ивановичъ былъ его вѣрнымъ беззавѣтнымъ „послушникомъ“. Какъ бы ни было трудно порученіе, какъ бы ни приходилось много надъ нимъ работать, хотя бы и ночи проводить безъ сна, онъ на все былъ готовъ для святителя. Тѣмъ не менѣе, когда Михаилъ Ивановичъ подалъ прошеніе о рукоположеніи его во священника къ церкви Воспитательнаго дома, съ тѣмъ, чтобы быть и законоучителемъ Николаевского Института, почившій владыка

выразилъ какъ бы удивленіе: „да знаете ли, Михайль Ивановичъ, на что вы идете?“—сказалъ онъ.

— „Знаю, ваше высокопреосвященство“,—отвѣтилъ онъ.

— „Вѣдь вамъ придется быть не настоятелемъ, а только вторымъ священникомъ“...

— „Я не ищу настоятельства, владыко святой; я ищу благодати священства, о чемъ давно томится душа моя. Я знаю, что и матеріально я много теряю, но вижу волю Божию въ влеченіи моего сердца“...

— „Если такъ, то Господь васъ благослови“...

И 25 марта 1895 года святитель

самъ рукоположилъ его въ санъ діакона, а на другой день, въ день Входа Господня въ Іерусалимъ — въ санъ іерея. Это было единственный случай въ Москвѣ рукоположенія самимъ митрополитомъ Сергіемъ: обычно владыка отсылалъ всѣхъ ставленниковъ къ своимъ викаріямъ. Послѣ рукоположенія святитель вручилъ ему служебникъ, со словами: „Этотъ служебникъ обветшалъ въ моихъ рукахъ“. Такое благоволеніе святителя глубоко тронуло во. Михаила и онъ записалъ эти слова на самой книжкѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Великосубботній вечеръ въ сельской школѣ.

Итихо, и какъ будто привѣтливо, спустился ясный вечеръ. Село при- тихло; отъ сосѣднихъ деревень тянулись люди съ бѣлыми узелками въ рукахъ. Заря, словно огненное море, заливала западь. Въ темной синевѣ неба замигали звѣздочки; на погостѣ, вокругъ храма, уже толпился народъ; на колокольнѣ развѣшивали фонарики... Мирная, предпраздничная картина лила въ сердце отраду: такъ хотѣлось жить и славить Воскресшаго изъ гроба въ этомъ безмятежномъ уголкѣ Его прекраснаго міра! Вонъ тамъ, окруженное тополями, уже издающими благоухающій, весенній запахъ, пріютилось бѣлое зданіе школы; въ классѣ собралось десятка два мальчугановъ; всѣ они въ новыхъ рубашкахъ, чистенькіе, примасленные; слышится ихъ

веселый, точно журчащій ручеекъ, разговоръ, но особенно выдѣляется среди нихъ выразительное личико горбатенькаго Гриши: онъ то углублялся въ какую-то книжку, то, вслушивался въ разговоръ товарищей. По блеску его глазенокъ, по несходящей съ блѣднаго лица улыbkѣ видно было, что онъ переживаетъ минуты того свѣтлаго дѣтскаго восторга, доступнаго лишь чистому сердцу, одно воспоминаніе о которомъ потомъ, въ позднѣйшую пору жизни, зажигаетъ въ душѣ человѣка свѣтлый лучъ отрады. Воскресеніе Христово было для чуткаго религіозно-настроеннаго Гриши свѣтлымъ днемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, и душа его загоралась радостію при встрѣчѣ этого великаго праздника. Росъ онъ въ сосѣдней деревенькѣ подъ